

Михаил Волконский

Горсть бриллиантов

Михаил Николаевич Волконский

Горсть бриллиантов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7458590

Аннотация

«Ваня Красноярский, сын Захара Ивановича Красноярского, бригадира, участника миниховских походов, героя Очакова и Ставучан, имел полное право поступить в гвардию и, будучи записан еще с детства в один из лучших полков в Петербурге, отправился туда по достижении восемнадцатилетнего возраста, напутствуемый благословениями и молитвами матери и кратким наставлением отца:

– Служи верой и правдой, будь честен, ничего не проси и ни от чего не отказывайся...»

Содержание

I. Петиметр	4
II. Куртизаны	15
III. Скверное дело	26
IV. Правда	33

Михаил Николаевич Волконский Горсть бриллиантов (*Быль XVIII столетия*)

І. Петиметр

Ваня Красноярский, сын Захара Ивановича Красноярского, бригадира, участника миниховских походов, героя Очакова и Ставучан, имел полное право поступить в гвардию и, будучи записан еще с детства в один из лучших полков в Петербурге, отправился туда по достижении восемнадцатилетнего возраста, напутствуемый благословениями и молитвами матери и кратким наставлением отца:

– Служи верой и правдой, будь честен, ничего не проси и ни от чего не отказывайся.

С Ваней, проведенным все свое детство и юность в родной Красноярке, деревне отца, и редко бывавшим даже в их провинциальном городке, был послан в столицу старый крепостной слуга Захарыч, на руках которого и вырос, и воспитался Ваня.

У Красноярских в Петербурге жила их дальняя родствен-

ница, богатая и важная дама, Анна Дмитриевна Борзая, о которой Красноярские из своего далека имели весьма высокое представление и которую считали до некоторой степени своею покровительницей, благодаря ее связям и богатству. Мать Вани, помня, что ему придется ехать на службу в Петербург, из года в год к большим праздникам посылала с оказией Анне Дмитриевне транспорт гусей, индеек, яблок моченых и всяких варений и солений, которые та благосклонно принимала и постоянно «отписывала». Письма ее, после получения приношений, носили характер манифеста, но это служило лишь к вящему увеличению уважения к ней со стороны Красноярских.

Теперь, когда наступило, наконец, с таким страхом ожидаемое матерью Вани время ехать ему в Петербург, было отправлено предварительно письмо к Борзой, в котором говорилось, что Красноярские, глубоко чувствуя все благодеяния, оказанные им Анной Дмитриевной, просят ее принять сына их Ваню и не оставить его своим высоким покровительством.

Хотя до сих пор все благодеяния Борзой по отношению к Красноярским заключались лишь в том, что она получала их гостинцы, она приняла все-таки слова, как нечто должное, и не отказалась «продолжать» благодетельствовать им, написав, что их сын Иван может приехать прямо к ней и жить у нее во флигеле, а она поручит своему сыну Андрею заняться молодым малым.

Судьба «молодого малого» была, таким образом, решена, и он явился в Петербург в сопровождении Захарыча, прямо в дом к Борзой.

Его неуклюжий деревенский возок въехал во двор богатого каменного, с гербом на фронтоне дома Борзой, и с первой же минуты их появления тут Захарыч сильно нахмурился, а Ваня испытал какое-то смутное, неясное чувство обиды. Их возок вызвал целый ряд насмешек со стороны кучеров и толкавшейся на дворе челяди. Но Захарыч с серьезным и решительным лицом, с непривычною для Вани в нем солидностью расспрашивал и распоряжался. Ваня решился вылезть из угла возка лишь тогда, когда возок подъехал, наконец, к крыльцу того именно флигеля, где было приготовлено ему помещение, и когда Захарыч сам побывал во флигеле и тоже с непривычною для Вани официальностью сказал ему, открыв дверцу: «Здесь-с, пожалуйста выходить!» Помещение – две комнаты и людская – приготовленное для них, показалось Ване чудом роскоши в сравнении с тем, что он видел у себя в деревне, хотя это были в доме Борзой самые обыкновенные комнаты, в которых жил когда-то гувернер Андрея.

Но, очутившись в этих комнатах и чувствуя сознание, что он, наконец, приехал, что долгий и утомительный путь окончен, Ваня Красноярский повеселел и потребовал скорее одеваться.

Было около одиннадцати часов. Ваня, привыкший обедать в деревне в двенадцать, решил, что успеет еще до обеда по-

знакомиться с хозяевами.

Захарыч, не обращая внимания на повеселевшего Ваню, продолжал хмуриться, но все-таки, постоянно исчезая куда-то и возвращаясь то с холодной водой для умыванья, то с горячей – для бритья, то еще с чем-нибудь, сообщал собираемые им на лету у прислуги сведения про господ, очевидно, в руководство Вани.

Так, Ваня узнал от него, что молодой Борзой живет отдельно, внизу главного корпуса дома, что у него свой собственный штат прислуги и свои лошади и кучера, что сама барыня заправляет всем, а барчук, по молодости, ни во что не входит и знает только с важными барями.

Ваня решил, как оденется, отправиться сейчас же к молодому Борзому, познакомиться с ним, а затем пойти вместе с ним представиться самой Анне Дмитриевне.

Ваня видел до сих пор только таких молодых людей, как сам он, а потому и в Борзом думал встретить сверстника себе, который, вероятно, обрадуется ему и примет его, как хозяин и столичный житель, под свое покровительство, и расскажет ему все, и покажет. Об Анне Дмитриевне Ваня из рассказов Захарыча вынес впечатление, как о женщине строгой, и уже заранее в душе побаивался ее, но надеялся на помощь ее сына, с которым рассчитывал подружиться.

И он пошел к «Андрюше» (так уже он мысленно называл молодого Борзого) в самом отличном расположении духа и с самыми радужными надеждами.

Но разочарование явилось, как только он вступил в покои «Андрюши».

Во-первых, он чрезвычайно удивился, когда, спросив у лакея, можно ли видеть молодого барина, получил ответ:

– Не знаю-с. Надо доложить... Только что встать изволили.

– То есть как же это встать? – переспросил Ваня, и не подозревавший, что можно спать дольше семи часов утра. – Разве они больны были?

Лакей ослабился и с особенной гордостью ответил:

– В полном здоровье находятся. Вчера из «клоба» поздно приехали и сегодня к князю не едут.

– К какому князю?

Лакей уже окончательно посмотрел на Красноярского сверху вниз, как бы говоря ему: «Да ты, кажется, совсем серый», – и, бросив небрежно в ответ: «К его сиятельству князю Платону Александровичу», – пошел докладывать.

Ване пришлось долго ждать. Наконец, появился снова лакей, но не прежний, а другой, и попросил Ваню войти в гостиную и опять «подождать».

Если Ване показались роскошными комнаты, отведенные для него, то гостиная, в которую он вошел, была такова, что у него глаза разбежались и он даже растерялся. Потолок весь был расписан цветами и амурами, стены – затянуты серебристо-серым штофом. Над большим мраморным камином висело венецианское зеркало, и около стоял экран, на котором

были вышиты птицы. Ковер с букетами затягивал всю комнату. Мебель была розовая, с фарфоровыми разрисованными вставками. На стенах висели картины. На одной из них барыня в желтой с голубым шелковой робе, с перьями на голове и палочкой в руках, сторожила овечек, совершенно не похожих на тех, которых видал Ваня у себя в Краснояровке, в овчарне. На другой картине кавалер надевал атласный башмачок на ножку красавицы, и возле них тоже были овечки. У окна гостиной стояла золотая клетка, и в этой клетке сидел попугай. Ваня никогда не видывал живого попугая; он слышал только, что они могут говорить по-человечески. Попугай сильно заинтересовал его. Он подошел к клетке. Попугай в это время преспокойно чистил клювом крыло, но, когда Красноярский подошел к нему, встопорчился весь, перебрал по жердочке ногами, замахал головою и вдруг каким-то странным говором произнес:

– Будешь... будешь... князем... дуррак...

Ваня, несмотря на то, что знал способность попугаев разговаривать, все-таки вздрогнул.

«Занятно! – подумал он. – И попугай есть у него... Как это лакей сказал, где он был вчера – “клоб” какой-то. Нужно будет спросить, что это такое».

И первоначальное представление его о молодом Борзом совершенно изменилось. Судя по обстановке, в которой тот жил, это была далеко не ровня ему, Ване.

Красноярский заглянул в щелку чуть растворенной двери

в соседнюю комнату. Там кругом стояли богатые шкафы с книгами – очевидно, библиотека.

«О, он, должно быть, умный!» – подумал опять про Борзого Ваня.

В это время дверь растворилась, и из-за нее послышался голос:

– А, Красноярский, как вас именуют, войдите сюда.

Красноярский прошел через библиотеку и очутился в спальне. Он с первого раза испугался – думал, что по недоразумению попал не в спальню к Борзому, а в комнату молодой девушки.

И тут стены были покрыты штофом, но только голубым, и пол затянут ковром. Над кроватью висел кружевной полог. Против окна стоял туалет с зеркалом в серебряной раме и множеством пузырьков и баночек. У туалета сидел, очевидно, сам Борзой. Но он не обратил ни малейшего внимания на вошедшего Ваню.

Вокруг него суетился господин, великолепно одетый в шелковый кафтан. Они говорили по-французски и, очевидно, спорили.

Борзой повторял все: «à la grecque»¹, а господин в шелковом кафтане – «à l'oiseau royal»².

Наконец, субъект в шелковом кафтане победил и принялся за щипцы, гревшиеся тут же, на туалете, на каком-то хит-

---

¹ По-гречески (фр.).

² Как царская птица (фр.).

ром приспособлении.

Когда спор был окончен, Борзой обернулся к Ване:

– Ну, покажи себя, – проговорил он и, оглядев Ваню, сказал что-то по-французски господину.

Оба они засмеялись.

Пока Борзому припекали различными щипцами волосы, он задал несколько вопросов Ване и так, между прочим, сказал:

– Что же ты не сядешь?.. Садись!..

Красноярский сел и с тем же любопытством, с которым рассматривал попугая, стал следить за тем, что происходило пред его глазами.

Долго провозившись с завивкою пуклей, француз надел, наконец, на лицо Борзому маску и стал пылить ему в голову надушенной пудрой, от которой Ваня чихнул несколько раз, что вызвало новый смех.

Напудрив Борзого, француз ушел, не поклонившись даже Ване.

На смену французам явились лакеи.

Красноярский и представить себе не мог, что могут в действительности существовать такое платье, где даже на спине подкладка была шелковая, и такое тонкое белье, которое надевали на Борзого.

– Это что ж такое? – спросил он, не утерпев и показывая на кружева, которые держал лакей в руках.

Борзой снова рассмеялся.

– Это? Разве ты не знаешь, что такое маншеты? – удивился он. – Покажи ему! – велел он лакею.

Ваня посмотрел.

– Таких у нашей губернаторши нет, – сказал он.

– Уж, конечно, нет! – подхватил Борзой. – Эти мне тысячу рублей стоят.

– Тысячу рублей?! – чуть не привстав, переспросил Красноярский.

Его наивность, видимо, потешала молодого Борзого.

– Что ж, – ответил он, – у князя есть кружева, которые... одни маншеты тридцать тысяч стоят.

Красноярский чувствовал себя все более неловко.

– Это у князя Платона Александровича? – робко произнес он.

Ему хотелось узнать, какой это князь.

– Ну да, конечно!

– А как его фамилия?

– Кого, князя? Ты не знаешь фамилии князя Платона Александровича? Да ты совсем из другого монда³ приехал, мой любезный!.. Ты не знаешь князя Зубова?..

Ваня покраснел, поняв, что, должно быть, очень стыдно не знать, кто такой князь Платон Зубов.

И Борзой стал объяснять ему, что князь Зубов теперь «в случае», что это – первое лицо во всей России, и что он, Борзой, у этого первого лица состоит в куртизанах, присутствует

---

³ Света (от фр. monde).

при его туалете и даже обедает иногда у него, и что сегодня не поспел к «туалету князя» потому только, что вчера долго засиделся в «клубе».

Ване чрезвычайно хотелось спросить, что такое «клуб», но он воздержался, боясь вызвать опять насмешку.

Наконец, Борзого одели, опрыскали духами, он вырезал маленькие кружочки из черной тафты и наклеил их один – на щеку, другой – на лоб.

Лакеи ушли.

Борзой, по-видимому, был совсем готов. По крайней мере, он, повернувшись пред зеркалом и присев, проговорил:

– Ну, вот и я!.. Теперь мне пора...

Вслед затем он протянул руку Красноярскому.

– Вы разве уезжаете? – спросил тот. – А я хотел просить вас, чтобы вы представили меня вашей матушке.

И Ваня покраснел до ушей.

До сих пор он избегал говорить Борзому «ты» или «вы» и старался составлять фразы безлично, но тут, к досаде своей, у него вырвалось это «вы», и он чувствовал, что так и впредь будет обращаться к этому господину, который, не обвиняясь, «тыкал» его.

Борзой поднял брови и показал пальцем наверх:

– Туда? – проговорил он. – Туда я хожу только за деньгами... и всегда предпочитаю в таких случаях ходить один... Нет, уж ты презентуйся⁴ сам... Ах, кстати, – вдруг добавил

---

⁴ Представься.

Борзой, – у тебя есть деньги?

– Есть...

– Видишь ли, я вчера проиграл в карты... У тебя где деньги?

– У Захарыча, – смущаясь, произнес Ваня.

Такого разговора он уж никак не ожидал.

– Кто это Захарыч?

Ваня объяснил.

Борзой опять захохотал.

– И много? – спросил он.

– Двести рублей.

Борзой махнул рукой и, уходя уже, проговорил:

– Ну, мне надо тысячу!

Ваня только руками развел.

II. Куртизаны

В тот же день Борзой полетел к своим товарищам, таким же «петиметрам», как и он, и рассказал, что у него есть для них новинка, удивительная! Он описал Ваню Красноярского самым смешным образом, передавал в лицах его разговоры, неуклюжие манеры, описывал его деревенский костюм и говорил, что если они хотят посмеяться его «бономи и семплисите»⁵, то нужно поспешить, и он ручается, что этот «сваж»⁶ уморит их со смеха.

В своем экстазе Борзой забыл даже о неприятности вчерашнего проигрыша в клубе, который ему нечем было заплатить. Он ходил к матери просить тысячу рублей, но она наотрез отказала, сказав, что он на прошлой неделе получил пятьсот рублей и этого ему довольно.

В кругу молодых людей, состоявших, по французскому выражению, «куртизанами», по-русски – просто прихлебателями князя Зубова, заинтересовались диковинкой, появившейся у Борзого. Борзой, к крайнему своему удовольствию, был «в моде» целый день и ездил, и рассказывал, и все спрашивали его и слушали. Вечером, на балу, даже сам Зубов сказал Борзому:

---

⁵ Наивности и простоте.

⁶ Дикарь.

– А я слышал, у тебя раритет⁷ какой-то?

Борзой так и расцвел весь.

– Чудо, ваше сиятельство, чудо, дитя лесов и пустыни...
преинтересно...

И он рассказал несколько уже сочиненных им в тот день анекдотов про Красноярского, которые заставили смеяться его сиятельство князя Зубова.

Между тем Ваня, не подозревавший, что служит предметом стольких толков, сидел у себя в комнате сильно смущенный.

Неужели все молодые люди в столице таковы, как Борзой, неужели и он, чтобы не краснеть, должен носить кружева тысячные, проигрывать огромные суммы в карты, спать под кружевным балдахином и повесить на стену картинку, на которой кавалер надевает башмачок даме?

Но откуда ж взять деньги на это?

Все его теперешнее богатство – двести рублей, хранившиеся у Захарыча и казавшиеся там, в деревне, очень и очень крупной суммой, оказывались здесь такими грошами, о которых и думать даже было нечего.

И невольно мысли, одна другой мрачнее, замелькали в голове бедного Вани. Для его молодости, неопытности и собственного юношескому характеру малодушия много заманчивой прелести было во всем том, что, как он видел, окружало Борзого. Было, правда, что-то тут такое, что инстинк-

---

⁷ Редкость.

тивно претило Красноярскому, но, несмотря на это, так и лез в голову обидный вопрос, отчего и он не может так же вот жить, наслаждаться, а главное, не краснеть за себя пред каким-нибудь Борзым, в сущности, таким же простым смертным, как и он? Обидно, досадно, больно это было, но что же делать?

«Хоть бы мало-мальски прилично обставиться, и то не хватит двух тысяч», – подумал Ваня, хотя совершенно не отдавал себе отчета, почему именно двух тысяч не хватит.

Одно было только ясно и несомненно, что на двести рублей ему положительно ничем обзавестись нельзя.

– А что, деньги у тебя? – спросил он у Захарыча, вошедшего так, будто по своему делу, но, в сущности, зорко приглядывавшегося к нему.

Захарыч глянул на него исподлобья.

– У меня, где же им и быть... А вам что?

– Нет, ничего, я так... Что ж, тебе нравится здешнее житье?

Захарыч отвернулся и ничего не ответил.

– Покой-то какие тут! – продолжал Ваня, – Ты в самом доме был, видел?... У молодого барина был?

– Был.

– И попугая видел? – спросил опять Красноярский, думая, что такая диковинка, как попугай, непременно уж должна заинтересовать Захарыча.

Но тот по-прежнему остался равнодушен.

– Это скворец-то заграничный?

– Как скворец?

– Ну, разумеется! У нас скворцы говорят. Вот у дьячка покойного в нашей церкви (вы его помнить не можете, махоньки были) скворец тоже ученый был, так всякий напев знал и слова тоже мудрые, а это что ж: одно название и вид заграничный, клюв крючком и в перо серый, а супротив дьячковаго скворца ему не устоять. Ругается он и только. Кабы заняться, так можно как следует выучить.

– А ты разве умеешь?

– А вы спросите, что Захарыч не умеет.

И, начав говорить о своих талантах, Захарыч незаметно перешел на воспоминания о Красноярровке, и думы Вани направились совсем в другую сторону.

Вскоре после того, как молодой Борзой произвел среди петиметров сенсацию своими рассказами о Красноярском и даже показал его некоторым из них, Зубов после своего утреннего туалета, на котором присутствовали не только петиметры, но и некоторые старые вельможи, оставил у себя нескольких «куртизанов», в том числе и Борзого, завтракать. Ему было скучно одному, и он хотел провести время среди таких же молодых людей, каким и сам был. В последние дни все к нему приходили с бумагами, которых он и не понимал, хотя старался показать обратное, и терпеть не мог. Он хотел попробовать устроить у себя «молодой» завтрак в надежде, не развеселит ли его хоть это. Все ему приелось, наскучило

и надоело.

Но завтрак, по-видимому, не обещал особенного веселья. Петиметры-куртизаны были в восторге, старались изо всех сил вести оживленный разговор, но шутки их казались плоскими и остроги незабавными.

Зубов сидел у письменного стола и, зевая, предавался своему любимому занятию – пересыпанию бриллиантов и драгоценных камней из ладони в ладонь и на стол. У него для этого была целая шкатулка, с верхом наполненная камнями.

– Боже мой, какая тоска все-таки! – зевая, проговорил он. – До вечера еще сколько времени осталось, нужно прожить его, а делать нечего.

– А что же вечером? – спросили его.

– Вечером хоть комедия в театре, авось, она позабавит.

– А вот если устроить «живую комедию» сейчас? – сказал кто-то из петиметров.

– Как же сейчас?

– Да так, ваше сиятельство! Вот Борзой чудеса рассказывал про какого-то «соважа», который очень интересен; если бы вы приказали ему привезти эту занятную персону сюда, может быть, презабавный бы фарс вышел.

Зубов улыбнулся и сказал:

– А в самом деле, поезжай, Борзой.

Этого, разумеется, было достаточно, чтобы Борзой полетел кубарем и через короткое время явился с Красноярским.

Сначала, как только Борзой явился за ним, Ваня ни за что

не хотел ехать к Зубову.

С каждым днем его пребывания в Петербурге чад и угар окружавшей его жизни охватывали его все более и более. Наяву и во сне, в особенности во сне, он грезил деньгами, при посредстве которых мог бы зажить вольготно и счастливо. Счастье заключалось в равенстве с такими людьми, как Борзой и его товарищи. Конечно, Красноярский рассчитывал служить и заниматься службой, быть дельнее этих людей, но во внешности, в обстановке он чувствовал необходимость по возможности не отстать от них.

Теперь комнаты, в которых он жил и которые в день приезда показались ему такими роскошными, были слишком просты для него; свой лучший кафтан (сколько говорилось об этом кафтане в деревне и как хлопотали о нем, и как нравился он там всем!) он считал «постыдным»...

И, когда Борзой явился к нему с требованием ехать сейчас к Зубову, он в первую минуту показал на кафтан, говоря, что ему нужно подождать, пока будет готов новый, который он уже заказал себе.

Но Борзой так раскричался, так торопил, просил, уговаривал и приказывал, что Ваня сам не помнил хорошенько, как очутился в карете, которая неслась уже во весь скок по направлению к дворцу.

И приехав к Зубову, Красноярский был словно как в бреду; он не вполне ясно сознавал, что, собственно, происходит или произошло с ним. Все это было как-то вдруг – ту-

ман какой-то, суета Борзого, потом скачка в карете, потом роскошь, такая роскошь, что глаза разбежались и буквально голова закружилась. И в этом тумане выделялась одна центральная фигура, пред которой не только он сам, но и Борзой, и все окружающие тушевались: это – молодой красавец, писанный красавец, лениво облокотившийся на стол, медленно пересыпая свободною рукой драгоценные камни, которых пред ним стояла полная шкатулка.

Так вот он, Платон Зубов! Он даже и не кивнул головою на простой русский поклон Вани, вызвавший неудержимый, громкий смех. Он только глянул на него и, когда кругом рассмеялись, тоже показал свои крепкие, белые ровные зубы в улыбке, еще более скрасившей его и без того красивое лицо.

Кругом заговорили, засмеялись еще.

«Может быть, это так они, между собою, не надо мной», – подумал Ваня, стараясь успокоиться, но все время чувствуя на себе общие взгляды, страдая за свой кафтан и уже внутренне браня себя, зачем приехал.

К нему беспрестанно обращались с вопросами, заговаривали с ним. Он отвечал. Но не успевал он рта раскрыть, как раздавался уже хохот.

Наконец, Ваня сел в сторонку и замолчал.

«И что я вам сделал?» – как бы спрашивал он, оглядываясь кругом.

Зубов как будто развеселился. К Борзому он стал внимательнее, чем к другим, и когда тот похвалил стоявший на ок-

не кактус в цвету – редчайший экземпляр, только что присланный князю в подарок кем-то из иностранных послов, Зубов небрежно спросил его:

– Вам нравится?

Борзой стал хвалить еще больше.

– Я вам велю прислать этот цветок, – сказал Зубов, и все петиметры с нескрываемой завистью обернулись на Борзого, но каждый постарался стать с ним любезнее.

И словно в программу этой любезности к Борзому тоже входило приставание к привезенному им на общую потеху Красноярскому, к Ване стали снова обращаться с нарочно глупыми вопросами:

– Вы видали кактус?

– А затылок свой видели?

– А стекла в окнах?

– А правда, что внутри России сырое мясо едят?

Бессильная злоба уже подымалась в душе Вани. Он отлично понимал, что над ним смеются, и понимал, для какой роли его привезли сюда.

Он сжимал кулаки и кусал губы, но делать было нечего. Не следовало ехать – это другой вопрос.

И Ваня давал себе слово и делал всевозможные заклатья, что никогда уже ни за что не поедет по приглашению Борзого и к нему не пойдет... Ни за что!..

Когда пошли все завтракать, Красноярский думал, авось, не заметят его, и остался последним в кабинете, надеясь, что

о нем позабудут, но нет, вспомнили.

За ним пришел Борзой, потом еще несколько человек и почти насильно потащили в столовую. Его усадили за стол.

За столом опять начались придирки и приставания. Ваню потчевали, угощали, наливали ему вина.

– А отчего не пьет ничего господин... Красновка? – вдруг сказал, к общему удовольствию, сосед Красноярского, молодой человек с тупым, но нахальным лицом, и взялся за бутылку, чтобы налить в рюмку Красноярского.

Тот побагровел весь. Выпитое вино и долго сдерживаемое возбуждение подействовали на него наконец.

– Это вы ко мне-с? – спросил он.

– Да, к вам-с, – ответили ему в тон.

– Ну, так я вам, сударь, скажу, что моя фамилия не Красновка, а Красноярский, и это – дворянская, честная фамилия, за честь которой, если вы позволите оскорбить меня, я разведусь с вами поединком! – вдруг выпалил Вайя.

На этот раз все притихли, а Зубов поморщился.

Это было под самый конец завтрака. Почти сейчас же, может быть, именно вследствие этого инцидента, встали из-за стола.

Перейдя снова в кабинет, Зубов опять сел к столу и принялся перебрасывать камни, но вдруг остановился, стал внимательнее вглядываться в них, высыпал всю шкатулку на стол и оглянулся на стоявшего возле него Борзого.

– У меня камней не хватает, а пред завтраком все были, –

сказал он, впрочем так, что остальные не могли слышать.

Он знал, оказывалось, все свои камни наперечет.

Борзой, совершенно спокойный, наклонился к нему.

– Не может быть, чтобы кто-нибудь из здесь присутствующих... – начал он.

Зубов обвел глазами всех находившихся в комнате. Они все очень весело разговаривали, очевидно, после завтрака сделавшись посвободнее. Один Красноярский сидел в углу, насупившись.

– А за него вы отвечаете? – показал глазами Зубов на него.

Борзой вдруг густо покраснел.

Зубов понял, что причина этой красноты та, что Красноярский был привезен Борзым.

– Можно сделать обыск, – сказал Борзой, совсем понижая голос, почти на ухо Зубову.

– Здесь, у меня? – поморщился тот.

– Можно сделать такой финт, чтобы все сняли кафтаны и камзолы, и под этим предлогом...

Зубов кивнул головой.

Борзой подошел к остальному обществу и вмешался в разговор.

Через несколько времени он очень ловко предложил идти всем играть на бильярде.

Все согласились и шумно направились в бильярдную. Там Зубов первый показал пример и снял не только кафтан, но и камзол, предложив и остальным сделать то же самое.

Все, в особенности те, у кого, как у Борзого, рубашки были из тончайшего батиста, поспешили последовать его примеру. Только Красноярский оставался стоять в углу у стенки, не двигаясь.

Сам Зубов подошел к нему.

– А что же вы?

– Я... ваше сиятельство, – ответил Красноярский, титулуя Зубова, потому что все титуловали его кругом, – на бильярде не играю.

Зубов вспыхнул.

– Но раз я снял кафтан и камзол, этикет требует, чтобы вы сделали то же самое. Я вам приказываю снять кафтан.

Мертвенная бледность покрыла лицо Вани. Он стоял, опустив глаза и бессильно держа руки.

– Ну, что же? – повторил Зубов.

– Ваше... сиятельство... я не могу... не могу снять кафтан, – чуть слышно проговорил он.

Зубов оглядел его с ног до головы.

– Я, к сожалению, знаю, почему вы не можете снять свой кафтан, – сказал он. – Стыдно. Ступайте сей же час вон отсюда! Слышите? – и он показал Красноярскому на дверь.

Ваня стоял, как ошеломленный, словно не понимая, что с ним.

– Слышали? Вон ступайте! – раздался над его ухом выразительный шепот, и Борзой, крепко захватив его за локоть, почти насильно вывел из комнаты.

III. Скверное дело

Произойди такое дело в чьем угодно доме – очень может быть, что оно осталось бы без последствий и не вызвало бы никакого шума, но пропажа горсти бриллиантов у самого князя Зубова не могла пройти бесследною. О ней узнала сама императрица, и полицейские, и судебные власти, все, как один человек, стали на ноги, так как во что бы то ни стало нужно было найти украденные драгоценности.

Путь поисков был ясен. Не только подозрение падало на явившегося недавно из далекой глуши «молодчика» Красноярского, но даже существовала вполне уверенность, что кража произведена им.

Все находившиеся у князя были люди богатые или, по крайней мере, известные за таковых; один Иван Красноярский заведомо был почти нищий в сравнении с ними. Ясно, что он мог польститься на драгоценные камни. Затем вспомнили, что он один оставался в кабинете, когда все уже ушли в столовую завтракать, и, главное, не пожелал снять кафтан, когда все это сделали совершенно охотно, причем снятые кафтаны были осмотрены самим князем на всякий случай, но нигде бриллиантов не оказалось.

Красноярского арестовали! От него требовали полного признания, но он не сознавался ни в чем, а упорно утверждал, что никаких бриллиантов не брал и в мыслях не имел брать

их. Самый тщательный обыск, сделанный у него, не открыл ничего: бриллианты исчезли. Допрашивали слугу Красноярского, старика-крепостного, но тот повторял только, что живот готов положить свой, что барчук его, Иван Захарович, не мог на такое скверное дело пойти. Старик рыдал навзрыд во время допроса, клялся и божился, но ни слезам его, ни клятвам никто не внял. Ничего не добившись от Захарыча, его прогнали и больше не тревожили.

У Борзых, конечно, не стали держать слугу арестованного Красноярского, и Захарыч поселился по соседству у одной вдовы бывшего придворного истопника, принявшей в нем участие из жалости и уважения к его старости.

Захарыч вполне понимал, что во всем Петербурге, кроме него, старого, никого нет у «дитятки», как он мысленно до сих пор еще называл Ваню, и некому, решительно некому, кроме него, заступиться за «дитятку». Но что же он, холоп, крепостной человек, может сделать? Кто станет его слушать, кто обратит на его слова внимание?

Однако Захарыч ночи не спал, думая о том, что сделать, чтобы не дать в обиду барчука, возвращенного им с детства и порученного его попечению.

К кому обратиться?

Захарыч помнил, что у них в провинции, когда ему случалось ездить по барским делам в город, во всех местах могущественною силою было всегда одно лицо – «секретарь». Секретарь захочет – и все будет.

Он знал, что и тут, в столице, раз забрали его «дитятку», значит – писали бумаги, подшили их в синюю обертку, стало «дело», а раз есть «дело» – значит, и «секретарь» существует.

Подробности происхождения у Зубова Захарыч знал до самых мельчайших тонкостей через прислугу Борзых, которая, с тех пор как стряслось над ними несчастье, совершенно изменилась к старику.

На дворне у Борзых его жалели, и прислуга, слыша, что говорилось в барских комнатах, передавала все подробно Захарычу. А говорилось, видимо, много, потому что, что ни день, Захарыч получал дополнения или разъяснения.

От самого Вани узнать он ничего не мог. Красноярский приехал от Зубова вне себя, растерянный, расстроенный. Захарыч стал его спрашивать, но ничего не мог добиться толком и понял только, что Ваню крепко обидели чем-то. В тот же вечер пришли и забрали Ваню.

С тех пор Захарыч не видел своего «дитятки».

По чувству, по душе он готов был идти на какую угодно казнь и пытку, доказывая, что его барчук не станет чужим пользоваться, а, напротив, свое еще всем отдаст, но должен был при этом сознаться, что обстоятельства говорят против. Как это все случилось – Захарыч не знал, но видел, что есть причины обвинять Ваню. Зачем он остался один в кабинете, зачем кафтана не снял?

Пред решением этих вопросов Захарыч становился в тупик, и все-таки не мог допустить, что сын Захара Ивановича,

бригадира Красноярского, пошел на такое подлое дело.

Начав искать «секретаря», Захарыч не успокоился до тех пор, пока действительно не нашел его в подлежащем ведомстве и месте.

Секретарь за две красненькие (из двухсот рублей, хранившихся у Захарыча) устроил ему «свидание» с заключенным Ваней.

Тот очень обрадовался своему пестуну. Оба они заплакали, обнялись. Ваня поклялся ему на образ, что не прикоснулся ни к одному камешку. Захарыч поверил ему и стал спрашивать о кафтане.

Ваня закрыл лицо руками и снова заплакал.

– Не мог я снять этот кафтан, – заговорил он, – потому что, во-первых, не знал, чего ради требуют от меня это, а главное – потому, что на спине у меня на этом кафтане вместо подкладки подшиты лоскуты матушкиной юбки. Она ведь мне юбку, чуть ли не лучшую, на подкладку-то дала. «Все равно, – говорила, – кроме Захарыча да тебя никто не увидит, что у тебя подшито там, так что ж тут тратиться?» А ведь знаешь, юбка-то была с разводами и цветами... с цветами, Захарыч! – всхлипнув, повторил Ваня. – Ну, как же мне было при всех показать это? Ведь и без того надо мной смеялись... а тут вдруг еще с цветами...

И Ваня снова залился слезами.

– Голубчик ты мой, бедненький! – приговаривал Захарыч. – Верь ты мне, что никогда Господь не попустит неправ-

де совершиться. Испытание пошлет Он, если с пути человек, угодный Ему, свернуть вздумает, но правда всегда наружу выйдет. Будем надеяться на Его милосердие, а я, что могу, буду стараться; случись что с тобою, все равно в гроб лягу.

Так на этом и расстались старый слуга и его юный, оставленный на его холопские заботы, барчук.

Теперь Захарыч словно головою выше стал. Ни малейшего уже сомнения не было у него, что не виноват его Ваня. Главное, темное обстоятельство было выяснено.

Кроме того, он возлагал большие надежды на секретаря. Тот для него был все. По его мнению, он мог, если б только захотел, все сделать.

Захарыч явился к секретарю весь сияющий.

– Помогите, – заговорил он, – будьте отцом милосердным! Теперь досконально знаю, что Иван Захарыч Красноярский не виновен.

И он объяснил причину, почему не снял Ваня кафтана.

Но на секретаря это объяснение вовсе не подействовало так радостно, как на него самого. Оно, в сущности, никак не подействовало на секретаря.

– Конечно, разные экспликации бывают юридически уголовных конъюнктур! – сказал он, подняв брови.

Захарыч ничего не понял из этой фразы, но убедился по тону, которым она была произнесена, что и секретарь совершенно равнодушен к «их» делу.

Он знал «обычай» и постарался заинтересовать секретаря:

– Мои господа за деньгами там, коли расходы какие нужны, не постоят.

Секретарь стал как будто внимательнее и произнес со вздохом:

– С деньгами сделать все можно: и оправдать, и окончательно обелить, смотря какие деньги.

– Большие! – с уверенностью решил Захарыч.

– Ну а как все-таки?

– Да ежели, чтоб совсем обелить, так полтораста рублей можно дать.

Секретарь вытянул губы.

– Э-э! – свистнул он. – На этом и мараться не стоит.

– Можно и сто шестьдесят, – поправился Захарыч, думая, что эта цифра уже наверное прельстит секретаря.

Но тот только головою помотал.

– Неужели ж и ста восьмидесяти будет мало? – уже упавшим голосом проговорил Захарыч.

Это было все, чем мог он располагать.

– Тут дело тысячами пахнет, любезнейший, а ты с пустяками суешься, – махнул рукою секретарь.

Захарыч переступил с ноги на ногу, смял шапку в руках и, подняв на секретаря глаза, совсем полные слез, спросил:

– Неужели ж так и пропадать барскому дитяте?

Но секретарь не стал разговаривать дольше.

«Тысячами пахнет, – рассуждал Захарыч, идя домой, – сто восемьдесят рублей – пустяки для них; ну, и народ, ну, и кро-

вопивцы же!.. Это чтобы невинного-то обелить!..»

Он знал, что тысячей неоткуда взять не только ему, но и самим господам его. А что сделается со стариками, как они узнают, что случилось с их ненаглядным Ванюшей!..

«Ее-то, голубушку-барыню, жаль!» – думал Захарыч, и крупные слезы текли по его сморщенным щекам.

IV. Правда

Захарыч решился на последнее средство. Пошел он просить «тысяч» у самой Анны Дмитриевны Борзой. Правда, та в свое время велела прогнать его, но Захарыч думал, что все-таки упросит ее.

Однако у Борзой даже докладывать о нем не захотели.

– Говорят тебе, – пояснил ему сам дворецкий, – что и беспокоить не смеем, такой уж приказ вышел. Сказано – нельзя. Нельзя, – повторил он на бесконечные просьбы Захарыча, – и рад бы, да нельзя.

В это время в официантскую, где объяснялся дворецкий с Захарычем, вбежал мальчишка-казачок, который был при молодом барине. Правое ухо у него было иссиние-красное, и он ревел благим матом.

– Ты чего? – окликнул его дворецкий.

– Да как же, Фока Васильич, за што ж он дерется! – Он говорит: «Ты мне растению княжескую залил, что князь мне прислал, повяла она; а вот крест святой – я не заливал, а сам видел, как он в земле копался, камушки оттуда вытаскивал – оттого она и повяла, а он меня за ухо...»

Захарыч так и задрожал весь.

– Ка... какие камушки? – чуть выговорил он.

– Известно – самоцветные.

Дворецкий, взглянув на Захарыча, должно быть, тоже со-

образил.

– Чтоб и духа твоего не было! – крикнул он на казачка. – Болтай тут вздор всякий... Ты у меня повтори только... за-порют тебя до смерти... покажут, как за господами подсматривать!.. – и, обернувшись к Захарычу, он добавил, стараясь говорить как можно спокойнее: – Ну, Матвей Захарыч, это уж выходит не нашего ума дело. Вы меня не путайте – все равно отрекусь, – да и вам не советую. Потому господа Борзые всегда сильнее господ Красноярских окажется...

– Ну а Бог-то сильнее всех будет! – проговорил, в свою очередь, Захарыя и стал собираться уходить.

В доме Борзых его видели еще один раз – в тот же день вечером. Больше он не показывался.

В этот вечер лакей, вынесший чистить попугая молодого барина и отлучившийся, нашел в клетке птицу мертвою.

Прошло две недели.

И вдруг во дворце случился переполох. Рассказывали следующий, почти невероятный случай: государыня, имевшая обыкновение встать очень рано, в шесть часов утра, как всегда, встала, зажгла свечи, перешла в уборную, где известная ей камчадалка Алексева подала ей теплую воду для полоскания горла и лед для обтирания лица, и затем отправилась в свой рабочий кабинет, куда подали ей кофе. Сидя за кофе, императрица услышала, что в соседней комнате говорит кто-то. Она прислушалась.

– Красноярский не виноват, – услышала она ясный, но до-

вольно странный чей-то говор.

Государыня встала и вышла в соседнюю приемную.

Там никого не было, но те же самые слова послышались еще раз.

Тогда она догадалась, в чем дело.

В комнате стоял попугай в клетке, купленный недавно и принесенный вчера только сюда.

Государыня, память которой сохраняла иногда фамилии, раз, мельком, услышанные, вспомнила, что имя Красноярский почему-то знакомо ей, и недавно. Это заинтересовало ее.

Немного погодя, попугай повторил опять свою фразу.

В тот же день Екатерина велела навести справку, откуда был куплен попугай во дворец.

Оказалось, что он был приобретен при посредстве Алексеевой. Алексеева же узнала о попугае через вдову бывшего дворцового истопника, с которой знакома давно. У вдовы живет в квартире старичок; он и предложил продать попугая.

Старичок этот – Матвей Захарович, крепостной человек господ Красноярских, из которых один обвиняется в краже у сиятельного князя Платона Александровича горсти бриллиантов.

Государыня, получив эти справки, ничего не сказала, но Алексеевой велела негласно провести к себе старого и верного слугу Красноярских.

Захарыч явился и, повалившись в ноги, рассказал все де-

ло, как знал, рассказал, что делал все, что мог, но нигде его не слушали, и тогда он решился прибегнуть к своей хитрости. А попугая он достал следующим образом: у одной генеральши, в соседнем доме с тем, в котором он жил теперь, околел попугай, как раз в тот день, когда Захарыч узнал от казачка о камнях. Попугай этот был точь-в-точь такой, как Захарыч видел в комнатах Борзого. Он счел такое совпадение знаменательным, и тут же ему пришел в голову его смелый план. Подменить живого попугая на мертвого было легко, тем более, что Захарыч знал время, когда чистили попугая. В неделю он научил попугая говорить нужные слова и продал его во дворец в надежде, что он будет поставлен в покои государыни.

Екатерина велела в тот же день бывшему у нее с докладом обер-прокурору лично разобрать это дело, и из подробного следствия выяснилась полная невинность Красноярского.

Уличенный Борзой сознался во всем: он проиграл в клубе солидный куш, просил денег у матери, которая ему отказала, пытался занять, но в долг ему не дали. Тогда он решил взять горсть драгоценных камней из шкатулки князя Зубова, уверенный, что это для князя – такие пустяки, которых он не заметит. Камни же он засунул в землю горшка кактуса, подаренного ему в тот же день князем. Таким образом, собственно, бриллианты не он унес, но они были ему присланы вместе с кактусом.

Успел же он проделать все это, когда выходил из столовой

звать Красноярского и остался один в кабинете, после того как Ваню увели.

Оправданный Красноярский поступил в полк и впоследствии отличился под командою самого Суворова.

Фамилия его, под которой он действует здесь, в рассказе, – вымышленная! Мы бы сообщили настоящую, если бы имели на то право.